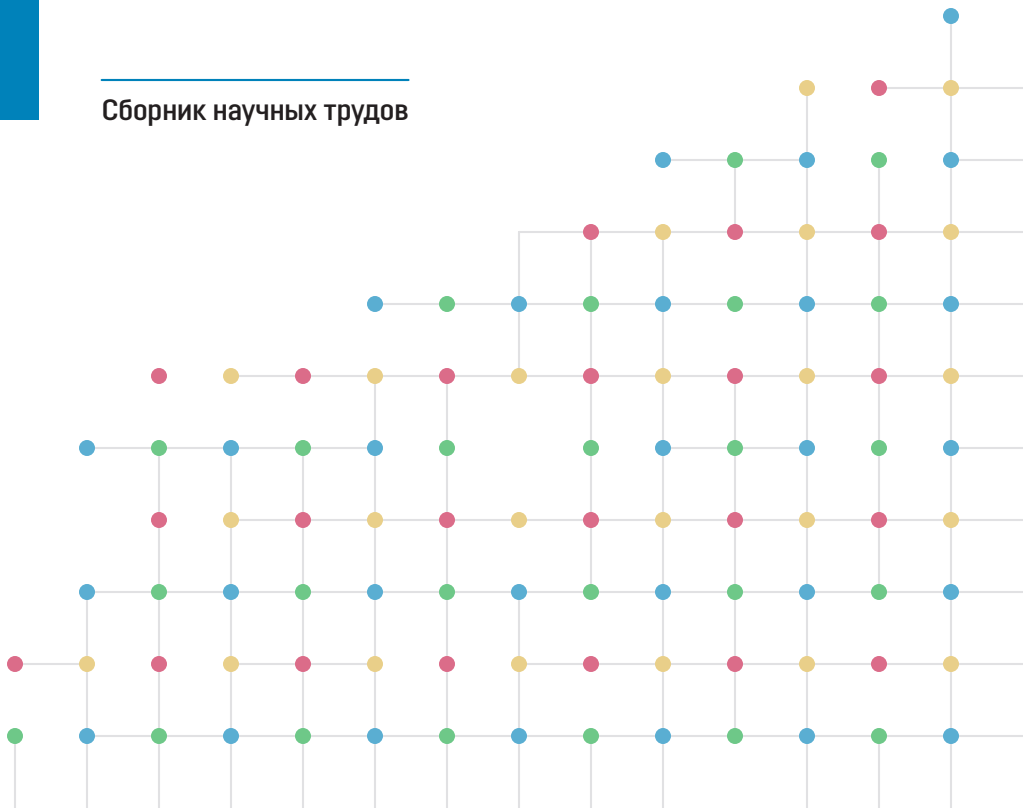

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХИГС ЕКАТЕРИНБУРГ

СТОЛЕТИЕ СССР: ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Сборник научных трудов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Уральский институт управления

СТОЛЕТИЕ СССР: ВОПРОСЫ и ОТВЕТЫ

Сборник научных трудов

*Под редакцией
д-ра истор. наук, профессора
М. А. Фельдмана*

Екатеринбург 2023

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3(2)6
С81

Рецензенты:

Мотревич В. П., *д-р истор. наук, профессор; профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева*

Поршнева О. О., *д-р истор. наук, профессор; заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.*

С81 **Столетие СССР: вопросы и ответы** : сборник научных трудов / под ред. д-ра истор. наук, проф. М. А. Фельдмана ; Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. – Екатеринбург, 2023. – 201 с. – ISBN 978-5-8056-0463-9.

В основу сборника легли доклады историков, экономистов, философов из Москвы, Новосибирска, Челябинска и Екатеринбурга – участников межвузовского круглого стола, проведенного 22 декабря 2022 г. в Уральском институте управления – филиале РАНХиГС. Научный анализ позволяет сделать вывод о высоком уровне развития советской цивилизации и, невзирая на ее масштабные противоречия, о движении в сторону постиндустриального общества. Дискуссионным остается вопрос о степени реализации гуманитарных и социальных проектов. Изучение комплекса факторов, приведших к дезинтеграции СССР, говорит о потенциальных возможностях сохранении единого государства. Изученный материал опровергает тезис об «отсталости» и «обреченности» советской цивилизации. Материалы сборника систематизируют и конкретизируют неизученные и малоизученные проблемы советской истории.

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8056-0463-9

© Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС, 2023
© Авторы, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Беляков С. С. Украинские националисты на строительстве советской Украины: к постановке проблемы	7
<i>Украинский национализм в начале XX века</i>	9
<i>Политика большевиков по отношению к украинскому национализму</i> ..	14
<i>Украинские националисты в УССР 1920–1930-х гг.</i>	22
<i>Заключение</i>	30
Горбачев О. В. Раннесоветская идеология национального строительства: эволюция приоритетов.....	35
<i>Национальный фактор в революции: подспорье или помеха?</i>	35
<i>Идея «национального самоопределения» в первые годы Советской власти</i>	40
<i>От «самоопределения наций» к «советским национальностям»</i>	43
<i>Заключение</i>	51
Зубков К. И. Социально-политическая сущность советского эксперимента: от формационного прочтения к цивилизационному	55
Зыкин И. В. Советский лесопромышленный комплекс: задачи, проекты и результаты	71
<i>Раннесоветский этап</i>	74
<i>Позднесоветский этап</i>	80
<i>Заключение</i>	83
Клинова М. А., Трофимов А. В. «Культурный» и «некультурный» отдых: визуализация идеологом в советской прессе второй половины 1940–1950-х гг.	86
<i>Историографический обзор</i>	87
<i>Социокультурный контекст периода</i>	90
<i>Визуальное отражение «культурного отдыха» в советской прессе</i>	95
<i>Визуальное отражение «некультурного отдыха» в отечественных печатных СМИ</i>	104
<i>Заключение</i>	108

Побережников И. В. Модернизация в истории Российской империи и СССР: общие тренды и специфика.....	115
<i>Интерпретации сущности модернизации</i>	116
<i>Имперская и советская модернизации</i>	118
<i>Разрывы и преемственность в истории российских модернизаций</i> ..	120
<i>Общие и особенные черты имперской и советской модернизаций</i> ...	124
Расторгуев А. П. Реформы 1980-х гг. и судьба СССР в современной отечественной историографии	132
<i>Возможности и модели: о роли экономики в разрушении СССР</i>	134
<i>«Тихая контрреволюция»: от размывания устоев системы к ее краху</i>	138
<i>Отходя от стереотипов: пути развития исследований</i>	144
<i>Заключение</i>	150
Сибиряков И. В. Феномен советской культуры: от революционного энтузиазма к религиозному восторгу	153
<i>Институциональная эволюция советской культуры</i>	156
<i>Идеологическая эволюция советской культуры</i>	170
<i>Заключение</i>	176
Фельдман М. А. Советская цивилизация: оценки уровня развития, места в мировой истории XX века и причин распада СССР.....	183
<i>Была ли активной дискуссия по проблеме?</i>	183
<i>Советская цивилизация</i>	185
<i>Причины дезинтеграции СССР</i>	190
<i>Задачи на «следующее тридцатилетие»</i>	196
Сведения об авторах	200

«КУЛЬТУРНЫЙ» И «НЕКУЛЬТУРНЫЙ» ОТДЫХ: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГЕМ В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-х – 1950-х гг.

В русле реализации советского социального проекта политическая доктрина, согласно которой «общественное бытие определяет общественное сознание», означала регулирование сферы труда и отдыха, а свободное время рассматривалось в качестве цели развития общества и провозглашалось важнейшим средством формирования гармонично развитой личности. Значительное внимание в данном контексте уделялось процессу трансляции в общественное сознание соответствующих образов, идеологем и мифологем, стандартов организации досуга, сочетающих идеологию и политизацию содержания со стремлением к массовости, доступности, общественной полезности и зрелищности форм. Свободное время рассматривалось как пространство для развития способностей, предназначенное для образования (самообразования), интеллектуального развития, выполнения социальных функций, дружеского (товарищеского) общения. Констатировалось, что рабочее время человека, располагающего свободным временем, обладает гораздо более высоким качеством, поскольку оно позволяет всем членам общества иметь необходимые средства для существования, пользования радостями жизни, получения образования и проявления в полной мере всех физических и духовных способностей.

В Конституции 1936 г. (ст. 119) было зафиксировано: «Граждане СССР имеют право на отдых. Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов». Реализация данного права происходила на основе конституционного и законодательного ограничения продол-

жительности рабочего дня, установления выходных и праздничных дней, предоставления трудящимся права на ежегодный оплачиваемый отпуск, а гарантиями его реализации становилось «расширение сети культурно-просветительных и оздоровительных учреждений», которые действовали через государственную систему социального страхования и профсоюзы.

В обширном и пока еще недостаточно изученном пространстве советской медиасреды значимая роль принадлежала визуальным образам, с помощью которых могла обеспечиваться более выразительная (по сравнению с текстом) трансляция необходимых образов, идеологием и стандартов социальных практик. В данной статье предпринята попытка обращения к советской прессе второй половины 1940-х – 1950-х годов как визуальному источнику с целью реконструкции отраженных в ней моделей «культурного» и «некультурного» отдыха граждан страны. Источниковую основу исследования составили материалы прессы 1946 – 1950-х годов: центрального уровня – газеты «Труд», «Правда», журналы «Огонек», «Смена», «Крокодил», «Работница»; областные газеты «Уральский рабочий», «Советская Сибирь»; городские газеты «Тагильский рабочий» (г. Нижний Тагил), «Под знаменем Ленина» (г. Первоуральск); заводские газеты «Магнитогорский металл» (Магнитогорский металлургический комбинат), «Кировец» (Воронежский завод синтетического каучука им. Кирова).

Историографический обзор

В современной историографии используется ряд интерпретационных концептов истории Советского Союза: советская цивилизация, советская модернизация, мобилизационная система, реальный социализм, индустриальный социализм, тоталитаризм, советский проект и др. При этом существенное воздействие на общественные (и отчасти научные) представления оказывает мифологическая (образная) составляющая: «сталинский тоталитаризм», «красная империя», «брежневский застой», «золотой век советского социализма», «катастрофка» и др. В русле этих концептов и направлений получила освещение проблематика уровня и качества жизни, в том числе отражены категории «свободное время» и «отдых». В историографии исследованы различные составляющие проблематики «отдыха при социализме», в контексте идеологической доктрины, реализации социально-экономической политики советского государства, повседневной жизни разных групп советского социума и др.

К советской идеологии, понимаемой как стратегии «перекодирования», перевода привычных понятий на советский язык, обратились К. Гирц

и Шт. Плаггенборг, рассмотревшие изменения в мировоззрении, образе мышления и жизни людей [Гирц 2004; Плаггенборг 2000]. Д. Кoenкер изучила проблематику конструирования идеи «правильного» отдыха, досуговых практик в контексте их использования для мобилизации, контроля и трансформации населения СССР в «правильных советских» граждан [Koenker 2013; Turizm 2006]. Опубликованы результаты исследований об организации свободного времени в Советском Союзе, посвященные нормированию труда и времени рабочих [Meyer 1988], анализу институтов досуга в авторитарных режимах [Baranowski 2004; Grazia 1981], системе управления курортами [Кузнецова 2010, 2018]. В работах В. Данэм и В. Волкова [Dunham 1976; Волков 1996] предложен концепт своеобразной «большой сделки», которая способствовала созданию советского среднего класса, лояльного власти, проанализированы изменения в стратегиях воспитания, применяемых советской властью в 1920–1930-х годах, зафиксировано «подтягивание» всего общества к образцовым практикам и моделям поведения так называемого «среднего класса». Следование им позволяло получать существенные «дивиденды» от власти в виде больших денежных доходов, дач, автомобилей, что позволяло обеспечить качественное питание и одежду, отдых на лучших курортах и т. п. признаки, характерные для социальной элиты.

В российской историографии истории советской повседневности можно выявить два направления, первое из которых фиксируется на выведении общих характеристик повседневной жизни в целом и советской в частности [Лелеко 1998; Репина 1998; Соколов 1999; Поляков Жиромская 2003; Кром 2003; Пушкирева 2005; Козырьков 2002; Наливайко 2005; Брусиловская 2000; Ахмезер 2002]. Второе направление исследований истории повседневности концентрируется на изучении отдельных феноменов советской повседневной жизни, на моделях поведения советских людей, позволявших им удовлетворять разнообразные житейские потребности в условиях дефицитарной советской экономики, в том числе на тактиках и практиках потребления. В рамках второго направления выделяются исследования коммунальных жилых пространств, являвшихся как минимум до середины 1960-х гг. существенной частью повседневной жизни основной массы советских людей. Исследователи описывают типичные структуры коммунальных квартир, бытовой уклад и правила жизни в них, специфику взаимоотношения жильцов и т. п. [Орлова 2004; Гурова 2005, 2008; Герасимова 1998, 2004; Иванова 2017; Бойм 2002; Утехин 2004]. В работах Н. Б. Лебиной, посвященных повседневной жизни советского города 1920–1960-х годов рассматривается дихотомия норм и отклонений, анализируются различные формы обыденной жизни, прак-

тики поведения горожан в свободное от работы время, попытки государства регламентировать гендерные отношения и даже интимную жизнь граждан. Наряду с традиционными «аномалиями» (пьянство, преступность и т. д.), выявляются аномалии, ставшие нормой при новой власти (коммунальный быт и т. д.). Особое внимание уделено нормированию повседневности: жилой площади, досугу, частной жизни [Лебина 1999, 2015]. Так, автор приходит к выводу, что нормы и структуры советской повседневности, сформировавшиеся к моменту смерти Сталина, нельзя считать в полной мере коммунистическими, поскольку нормы, порожденные плановой экономикой и политической системой сталинизма, сосуществовали с жесткой общественной иерархией, тягой к показной роскоши, «почти клерикальными представлениями о нравственности» и т.д.

В монографии Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлыниной, И. Г. Тажидиновой рассматриваются практики удовлетворения основных жизненных потребностей, особенности труда, военной службы, отдыха советских граждан, а также основные стратегии выживания населения СССР в условиях социальных трансформаций 1920–1940-х годов. Авторы отмечают, что в сфере повседневности тогда «внешний контроль и регламентация распорядка действий спокойно уживались с устоявшимся и привычным образом жизни. Нередко замещая и компенсируя друг друга, они в конечном итоге стали той стратегией выживания, которая помогала людям разного достатка и убеждений переносить материальные трудности и идейные разочарования эпохи» [Кринко 2011]. Д. Коенкор обращается к эволюции представлений о допустимом и желаемом отдыхе в СССР, выделяет три основных аспекта советского опыта. Во-первых, это смещение акцента с производства на потребление, вызывавшее много критики: как режим и граждане решали проблему перехода к «хорошей жизни» и сотрудничали, чтобы обеспечить этот переход. Во-вторых, это особое соотношение целесообразности и удовольствия, которое учитывалось при разработке советской политики в сфере отдыха и ее практической реализации. В-третьих, это фундаментальный парадокс советской идеи: как и почему авторитарное государство поощряло автономию и самодостаточность граждан посредством таких инструментов, как отпуск и туризм [Коенкор 2022].

Вместе с тем, в современной историографии недостаточно используется эвристический потенциал такого исторического источника по истории советской повседневности, как пресса, в частности ее визуальная составляющая, позволяющая реконструировать представления о нормативных (культурных) и девиантных (некультурных) формах, моделях, социальных практиках реализации категорий свободного времени и отдыха в период середины 1940-х – 1950-х годов.

Социокультурный контекст периода

Окончание Великой Отечественной войны население страны встретило в условиях апогея мобилизационной системы и действия депривационных факторов, что способствовало как высокой степени реализации эталонных (патриотических) моделей поведения, так и расширению пространства для использования адаптационных и девиантных экономических стратегий и социальных практик. Характерное послевоенное явление, определенная социокультурная норма – необходимость для миллионов людей проживать в тяжелых и скученных условиях: комнатах в деревянных бараках, заводских общежитиях, коммунальных квартирах, в подвалах, на чердаках, в подсобных, лишенных элементарных бытовых удобств помещениях. Бараки, не имевшие водопровода и канализации, составляли значительную часть жилого фонда, поэтому для многих семей мечтой была своя комната в коммунальной квартире. Важную роль играл двор, который являлся неотъемлемой частью дома, в нём протекали детство, юность и взрослая жизнь его обитателей, происходило общение соседей, среди которых было немало фронтовиков. Популярными местами досуга в условиях жилищной тесноты были парки культуры и отдыха.

В периодической печати послевоенного времени получили отражение многочисленные «следы войны». На газетных и журнальных фотографиях запечатлен масштаб бедствий и разрушений в городах, оказавшихся под оккупацией, идет речь о разработке планов и ходе восстановления городов для мирной жизни. В многочисленных публикациях повествуется о массовом энтузиазме людей, которые своим трудом, в том числе в свободное от основной работы время, залечивают «раны войны». Исследователи отмечают, что в ходе послевоенного восстановления советских городов существовали противоречия [Косенкова 2009]. С одной стороны, провозглашалось стремление к художественной целостности и универсальной свехупорядоченности городского пространства, понимаемого как единый ансамбль. Город рассматривался как средство для предъявления политических идей социального благополучия и экономического процветания. С другой стороны, происходило деструктивное формирование городской территории как совокупности поселков при промышленных предприятиях. В условиях ограниченности ресурсов сложились приоритеты и определилась специфика послевоенного развития городов, которая отражала интересы государства в области градостроительства, но недостаточно учитывала интересы людей в создании учреждений культуры и обустройстве рекреационных пространств.

В 1950-е годы снижение мобилизационной риторики сочеталось с акцентированием внимания периодики на содержании досуга, свободного времени, которое определялось как общественная ценность, полезное для общества времяпрепровождение и широко пропагандировалось. Развитие сферы торговли, общественного питания и услуг, сети учреждений культуры и спорта призваны были обеспечить наполнение свободного времени трудящихся «полезным» содержанием, сделать жизнь содержательнее, духовно богаче. Так, представители Министерства культуры РСФСР обращали внимание на необходимость борьбы с антиобщественным поведением на досуге и «вполне безобидным пустым» времяпрепровождением, поскольку «социальная ценность свободного времени значительно возросла, оно должно стать пространством всестороннего творческого развития личности», при этом предполагалось создание оптимальных социальных условий для реализации выбора форм досуга. [Кудрина 1976: 8–9].

К визуальным локусам, в которых протекало свободное время советских граждан, относились койка в общежитии, комната в коммуналке или квартира (хрущевка), двор, кинотеатр, спортивная и танцплощадки, парк культуры и отдыха, клуб. В пространственном измерении отдых реализовывался в турпоходе, поездке на море или – редко – поездке за границу по туристической путевке.

Со второй половины 1950-х годов происходит специфический передел социального пространства и времени. Программа массового строительства типового жилья (хрущевок) обеспечивает многих жителей больших городов отдельными квартирами. Формально собственником таких квартир было государство, а жильцы – арендаторами, но квартплата (достаточно невысокая) не воспринималась как плата за аренду – скорее, как плата за поддержание жилья в исправном состоянии: люди не думали о своем жилье как о съемном [Утехин 2001]. По данным советской статистики, жилищные условия в СССР улучшили в 1954–1964 годах более 100 млн чел. [Народное хозяйство СССР.. 1971: 545]. Так, в 1955 г. в Свердловской области были учтены 512 бараков и 470 землянок, где проживало 20 тыс. человек. В 1957–1958 годы лишь 22 % всей жилой площади в Свердловской области имели водопровод и канализацию. С 1957 г. начинается жилищный бум. Если за 1946–1956 годы ежегодно в Свердловской области строилось по 600 тыс. кв. м жилья, то в 1957 г. – 1,3 млн кв. м, в 1958 г. – 1,7 млн. кв. м. Платой за высокие темпы стало строительство тесных, но «отдельных» малометражек с максимальным удешевлением всех материалов и работ [Урал 2000: 342]. Быстрому росту жилья не соответствовало количество объектов соцкультбыта, существовали трудности с разделением жилого фонда на районы и микрорайоны,

платой за большие объемы стала неудобная планировка квартир, невыразительный внешний вид домов. Постепенно распространяются и другие формы собственности: на деньги жильцов строятся кооперативные квартиры; дачи (небольшие домики, которые строились на выделенных государством земельных участках, как правило «шесть соток», достаточных для самых простых садово-огородных работ); личные автомобили, открывающие новые возможности освоения пространства и практик проведения свободного времени.

На качество жизни городского населения во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов повлияло изменение баланса рабочего и свободного времени, введение «самого короткого в мире рабочего дня», при котором количество свободного времени населения должно было увеличиться на 200 часов в год. У мужчин свободного времени было в среднем на 60 % больше, чем у женщин. Много времени у женщин отнимал труд в домашнем хозяйстве. Постепенное развитие сети предприятий бытового обслуживания даже в крупных городах региона высвобождало лишь 5 % времени, необходимого для удовлетворения хозяйственно-бытовых нужд. Источником сокращения времени на домашнюю работу было общественное питание. Если в 1955 г. общественное питание готовило только 5 % всех блюд, потребляемых населением, то в 1960 г. удельный вес общественного питания увеличился до 13 % на селе и до 25 % в городе. Сокращению временных затрат на домашнюю работу способствовало использование в хозяйстве бытовой техники. В середине 1950-х годов спрос на нее удовлетворялся лишь на 40–50 %, в целом, лишь 3–4 % семей в начале 1960-х годов имели дома бытовую технику [Балакин 2012: 42]. При этом в 1960 г. в семьях машиностроителей Урала, т. е. высокооплачиваемой категории работников, стиральные машины имелись в каждой четвертой, телевизоры – в каждой третьей семье. Почти 60 % семей пользовались радиоприемниками, швейными машинами [Трофимов 2016: 370]. Многие уральские жители в конце 1950-х – начале 1960-х годов меняли представления о стандартах потребления, использовали достигательные социальные практики (образование, спорт, туризм, культурное творчество). Часть свободного времени посвящалась как традиционным, так и новым праздничным формам: посвящение в рабочий класс, хлеборобы; чествования героев пятилеток, трудовых династий; конкурсы по профессиям; слеты передовиков производства, наставников молодежи; трудовые вахты, ударные недели, месячники, красные субботники и воскресники; декады «Наука – производству», слеты рационализаторов и изобретателей, праздники первой зарплаты, проводы на пенсию. Тем не менее нехватку свободного времени продолжало отмечать большинство

взрослого населения, недостаточно развитой была транспортная инфраструктура, коммунально-бытовая и жилищная сфера, на производстве использовались сверхурочные работы.

Значительную часть свободного времени в послевоенные годы большинство жителей посвящали посещению городских колхозных рынков, которые являлись чуткими «барометрами» спроса, отражающими потребительские запросы, настроения, были местом совершения легальных и теневых сделок. Война принципиально изменила роль городского колхозного рынка, если в 1940 г. более 75 % всех покупок рабочими промышленных предприятий осуществлялось в государственной торговле и кооперации, то после окончания войны объемы затрачиваемых денежных средств на покупку продовольственных и промышленных товаров на колхозном рынке и у отдельных граждан оказались больше, чем в государственной торговле. В первые послевоенные годы в обычных магазинах продовольствие зачастую отсутствовало, нередко в витринах выставляли картонные муляжи продуктов, тогда как на колхозных рынках в продаже было продовольствие, но по высоким ценам (1 кг хлеба мог стоить больше недельной зарплаты). В такой ситуации рынки становились местом незаконной торговли, спекулятивных сделок. Только во втором полугодии 1945 г. правоохрнительными органами в Москве за незаконную торговлю было задержано 9146 несовершеннолетних, что составило более одной трети от всех задержанных за различные правонарушения детей. Они торговали дрожжами, конфетами, учебниками, тетрадами, открытками, канцелярскими принадлежностями, папиросами, билетами в цирк [Богданов 2010: 150–151].

Колхозные рынки в послевоенных городах были локусами жизненного пространстве, где происходила реализация потребностей, лимитируемых денежным возможностями покупателя, проходила значительная часть свободного времени. Для большинства горожан рынки позволяли пополнить скудную «потребительскую корзину», приобрести кустарные изделия и дефицитные промышленные товары. Реальное положение на рынках городов разительно отличалось от визуального образа изобилия, продемонстрированного в фильме «Кубанские казаки» (1949). Основная масса городского населения после Великой Отечественной войны находилась в сложных условиях, удовлетворение базовых потребностей осложнялось нехваткой ресурсов. Несмотря на некоторый рост заработной платы в послевоенные годы, в условиях сильного дефицита стоимость жизни оказывалась выше платежеспособного спроса, а уровень жизни населения, хотя и рос, но оставался достаточно скромным. Так, по экспертным данным, через десять лет после окончания Великой Отечествен-

ной войны нормы фактического питания в стране были ниже научных норм по всем продуктам, кроме хлебных продуктов и картофеля [Советская жизнь 2003: 134].

Значительная часть свободного времени отводилась получению аудио-визуальной информации из материалов прессы и радио. Телевидение в стране тогда делало только первые шаги, городское население имело в 1940 г. 420 тыс., радиоприемников и 400 телевизоров, в 1950 г. – 1 млн 49 тыс. радиоприемников и 15 тыс. телевизоров [Народное хозяйство СССР... 1957: 143–144]. В послевоенных советских городах доступным и популярным среди практически всех категорий населения видом отдыха и мощным государственным средством трансляции нормативных визуальных образов был кинематограф. Война нанесла ущерб материальной базе кинематографа: в 1940 г. в городах и рабочих поселках РСФСР работало 5 тыс. киноустановок, в 1945 г. их осталось 3,8 тыс. За 1946–1948 гг. в 16 городах, получивших большие разрушения в годы войны, было введено кинотеатров на 3270 мест, что было почти наполовину меньше запланированного [РСФСР за 40 лет 1957: 163]. С 1945 по 1950 гг. в стране количество стационарных киноустановок увеличилось с 9,1 тыс. до 21,2 тыс., а количество посещений киносеансов – с 622 млн в 1945 г. до 1144 млн в 1950 г. [Народное хозяйство СССР... 1957: 238]. О популярности послевоенного кино свидетельствовали очереди за билетами и спекуляция ими. Так, в центре Москвы у кинотеатра «Метрополь» в любое время дня и до позднего вечера подростки перепродавали билеты, купленные за 3 р., по цене 15–20 р. [Богданов 2010: 151]. По нашим подсчетам на основе аннотированного каталога «Советские художественные фильмы (1930–1957)», в 1946–1950 гг. на экраны кинотеатров вышло 92 игровых фильма, снятых в СССР, 32 из которых были либо полностью посвящены теме Великой Отечественной войны, либо в сюжетных линиях прослеживалась связь с войной. В памяти современников запечатлелся феномен «трофейного кино» («Девушка моей мечты», «Индийская гробница» и др.), для которого был характерен акцент на развлечение зрителей, что помогало настроить людей на мирную жизнь и пережить тяготы и невзгоды послевоенного времени [Советские художественные фильмы 1961].

На рубеже 1950–1960-х годов в отечественном дискурсе утверждается понятие «свободного времени». Официально признается идея, что у советских граждан должен быть персональный временной ресурс, небольшой остаток, который не тратится ни на общественно полезный труд, ни на быт и транспорт. Эта идея выражается через определенную социальную политику – в первую очередь через серию документов о сокращении рабочих часов. Появляются так называемые сокращенные дни – перед

выходными и праздниками. Увеличивается количество выходных дней: их становится два в неделю (это происходит в 1967 г., до этого в неделе было шесть рабочих дней и лишь один выходной). На волне политики «свободного времени» в начале 1960-х годов издается несколько партийных директив, требующих от служб быта (магазинов, прачечных, столовых и т. д.) «улучшить обслуживание населения». Одним из результатов этой политики стало появление в стране категории «сложного человека», либо, на языке той эпохи, «человека коммунистического будущего», поскольку по кругу своих устремлений и объему внимания к различным сторонам жизни страны и мира широкие слои советского народа выглядели в те годы, безусловно, разносторонне развитыми и высоко активными. Данной трансформации в немалой степени содействовала и периодическая печать, она не только содержала политико-идеологические императивы, но и позволяла реализовывать разносторонние потребности получения полезной для развития человеческой личности информации и знаний.

Как свидетельствуют социологические опросы, городское население в значительной своей части к середине 1960-х годов имело продвинутую структуру досуга, а шедшая на смену отцам молодежь намеревалась реализовать свои планы в промышленности и космосе, на nive образования и науки, в искусстве и спорте [Грушин 2001: 518, 531]. Наиболее часто упоминаемыми жизненными ценностями из разряда общечеловеческих в начале 1960-х годов были: мир на Земле, высокая духовность, нравственность, приобщение к культуре, образование, крепкая семья, благополучие Родины. В полном виде набор ценностей значился в Моральном кодексе строителей коммунизма. Судя по социологическим опросам, наибольшей популярностью пользовались две из них: успехи в строительстве коммунизма и социалистический коллективизм. В то же время в дискуссиях по проблемам семьи и досуга гражданами высказывались достаточно критические замечания, сомнения вызывала верность общества одному из главных его девизов «Все – для человека! Все – во имя человека!». Движение за коммунистический труд, по всеобщему заключению, давало серьезные сбои. И даже многие 9–10-летние дети на удивление хорошо знали, что такое взятка и блат и кто такие спекулянт и бюрократ» [Грушин 2001: 537].

Визуальное отражение «культурного отдыха» в советской прессе

Отдых являлся неотъемлемым сегментом жизни советского человека. На страницах советских СМИ публиковались сюжеты, посвященные досугу советских граждан, хотя количественно они уступали публикациям,

отражающим практики труда горожан. Широко популяризируемой в советском дискурсе еще с середины 1930-х гг. становится идеологема «культурность», проецируемая на различные аспекты повседневной жизни (гигиену, поведение в обществе, досуг) [Волков 1996; Клинова 2017; Кочухова 2015; Рабинович 2013]. Практики «культурного» советского отдыха определялись через понятия «коллективизма» и «культурного развития» (интеллектуальное совершенствование, занятие спортом, творчеством). Ориентация граждан на «культурный отдых» сохраняется и в 1940–1950-е годы, транслируясь в прессе.

В печатных СМИ отдых советского человека презентовался посредством разнообразных форм: текстовых и визуальных. Наиболее частым визуальным сюжетом являлась фотография.

Фотосюжеты, посвященные досугу граждан, можно разделить на несколько групп. Первая – отдых в рабочий перерыв. Такие сюжеты были достаточно многочисленны в прессе послевоенного периода. Отдых трудящихся в рабочий перерыв, как правило, представлял собой организованный досуг в красном уголке, за чтением газет, журналов, игрой в шахматы, шашки. В одном из номеров газеты «Тагильский рабочий» была помещена фотография, где запечатлены семь человек (трое мужчин и четверо женщин), сидящих за столом – двое играют в шашки, одна женщина читает газету, остальные наблюдают за партией, слушают радиолу. Под фотографией подпись, более детально описывающая сюжет: «Небольшое уютное помещение красного уголка прессового цеха завода пластмасс в обеденный перерыв заполняют рабочие. На стенах размещены фотовыставки, рассказывающие о жизни Советского Союза, трудовых делах стахановцев промышленных предприятий, колхозных полей и т. п. В красном уголке имеются радиолы, шашки, центральные, областные и местные газеты. Весело и культурно проводят свой досуг прессовщики» [Сидоров 1950: 3]. Еще одной нормализованной практикой отдыха в рабочий перерыв являлось чтение заводских стенгазет. В заводской газете «Магнитогорский металл» была помещена фотография, где рабочие стоят у стенда с рисунками. Подпись под фотографией поясняет: «В чугунно-литейном цехе. У свежих номеров “Крокодила”» [В чугунно-литейном цехе... 1946: 2].

Визуальные сюжеты более коротких пауз отдыха в процессе рабочего дня (перекуров) не встречались на страницах советской прессы 1940-х гг. В печатных СМИ первой половины 1950-х гг. появляются такие фотографии, но они были достаточно редки, представлены преимущественно на страницах журналов центральных изданий, а подписи к ним акцентировали внимание на трудовых достижениях героев сюжетов (см. рис. 1).

Во вторую группу входят фотосюжеты, освещающие различные формы домашнего отдыха после рабочего дня. Чаще на страницах прессы представлены фотографии трудящихся, отдыхающих после работы в комнате общежития. Так, например, на страницах газеты «Магнитогорский металл» (1946) помещена фотография, отражающая досуговую практику – занятие рукоделием (шесть девушек вяжут, вышивают, сидя за столом в комнате общежития) [В общежитии... 1946: 2]. Рукоделие являлось достаточно устойчивой практикой женского домашнего досуга, широко представленной на страницах послевоенной советской прессы. Еще одной количественно выраженной практикой домашнего досуга жительниц общежитий, презентуемой в прессе, являлось чтение. В Первоуральской городской газете «Под знаменем Ленина» (1951) была помещена фотография, где три девушки сидят за столом. У одной из них в руках вышивка, которую она показывает своей соседке, третья девушка читает книгу. Подпись под снимком поясняет сюжет: «В одной из комнат молодежного общежития № 14 Динасового завода. Сортировщица Н. П. Патрушева, крановщица Т. В. Воронова и сортировщица Л. Г. Яковлева отдыхают после работы» [В одной из комнат... 1951: 2]. В другом фотосюжете данного издания презентуется практика домашнего чтения вслух. На фотографии за столом общежития сидят пять девушек – четверо слушают, одна читает книгу. В подписи под снимком отмечено: «Бригадир-комсомолка Анна Сорокина читает вслух роман в стихах А. С. Пушкина “Евгений Онегин”» (см. рис. 2). Фактически чтение и рукоделие являлись наиболее широко распространенными практиками домашнего досуга женщин, презентуемого в печатных СМИ. Иные формы времяпрепровождения фиксировались значительно реже. Например, в одном из номеров газеты «Под знаменем Ленина» (1955) было помещено фото, где жители общежития коротали домашний досуг, играя на балалайке [После трудового дня 1955: 2].

Домашний отдых мужчин, проживающих в общежитиях, визуализировался на страницах послевоенной прессы посредством различных практик. Чтение являлось наиболее популярным из них. Мужчины изображались читающими газеты, журналы, сидящими за столом, играющими в шахматы

Рис. 1. Город Кировск. Ремонтно-механический завод. Молодые сталевары (слева направо): Виктор Серебряков, Иван Брюхаль и Дмитрий Дубинцев довольны: очередная планка дана сверх плана. Фото А. Моклецова [Город Кировск... 1955: 8]

в красных уголках общежитий [Заботиться об общежитиях... 1946: 2; В красном уголке ... 1946: 2; Молодые вальцовщики 1956: 2] (изображения женщин, играющих в шахматы, отсутствовали в прессе).

Презентуемый на страницах прессы домашний досуг граждан, имеющих индивидуальное жилье, в целом незначительно отличался вышеописанного – у женщин зачастую в руках рукоделие, у мужчин – книга или газета. Отличительной особенностью данных «домашних» сюжетов являлось наличие техники – радиоприемника, реже телевизора [На одном избирательном участке 1951: 3; Наступил Первомай... 1953: 2; Передовой сталевар... 1954: 2]. Так, например, на одной из фотографий, помещенной в газете «Труд» (1953), изображена семья, смотрящая телевизор, подпись под фото поясняет сюжет: «В дни весеннего праздника в каждой семье – обновки, подарки. Токарь завода “Красный пролетарий” лауреат Сталинской премии Н. М. Кузьмин купил телевизор. Все члены семьи Кузьминых любят музыку и кино и очень рады тому, что новое, интересное развлечение появилось к майским дням у них дома» [Наступил Первомай... 1953: 2]. Как правило, сюжеты, где изображена техника, появляются на страницах центральных изданий (реже – региональных газет) в 1950-е годы (рис. 3).

Более широко на страницах послевоенной советской прессы популяризировались «культурные» формы отдыха советских трудящихся вне дома. Значительной востребованностью СМИ характеризовались фотосюжеты, запечатлевшие советских граждан в библиотеках и читальных залах (рис. 4). Как правило, на данных фото изображались группы людей (5–15 человек), что должно было подчеркнуть распространенность практики чтения в советском социуме: «Уютно в читальном зале клуба им. Ленина в Первоуральске. По вечерам здесь многолюдно. Работницы, рабочие, служащие собираются сюда, чтобы почитать свежие газеты, журналы, книжные новинки» [Уютно в читальном зале... 1953: 3].

Рис. 2. Весело и интересно проводят свой досуг девушки-штукатуры участка Жилстрой, проживающие в общежитии № 33 стройуправления Уралтяжтрестрой [По нашему городу 1950: 1]

Значительное место на страницах послевоенной советской прессы отводилось фотografiям трудящихся, занимающихся в различных кружках, клубах, художественной самодеятельности. В одном из номеров газеты «Тагильский рабочий» было помещено фото, посвященное занятиям в кружке художественной вышивки, где запечатлены две женщины, вышивающие на пяльцах. Подпись под фотографией поясняет: «Свыше двух десятков лет при союзе госторговли

работает кружок художественной вышивки. За это время сотни работниц различных учреждений города и домохозяек получили навыки художественной вышивки. На снимке преподавательница физкультуры школы № 18 М. Сулейманова и чертежница Высокогорского железного рудника А. Белохолова на занятиях» [По нашему городу 1950: 4]. Несколько более количественно выраженными в послевоенной прессе являлись сюжеты, отражающие практики занятия горожан в кружках изобразительного искусства [Занятие кружка изобразительного искусства... 1946: 2; В студии изобразительного искусства... 1953: 3]. Занятия посещали как мужчины, так и женщины. Подписи к изображениям позволяют говорить о популярности данной досуговой практики в самых различных профессиональных группах советского городского социума: «В студии изобразительного искусства московского Дома культуры им. А. М. Горького занимаются более сорока рабочих и служащих разных предприятий и учреждений. Под руководством художника К. Молчанова они проходят курс теории и истории искусства, изучают технику живописи. Любовь к живописи объединяет людей самых разных профессий. На снимке ... технолог завода строительных машин Е. Васильев, домашняя хозяйка О. Борисова, механик счетной фабрики С. Ерохин, ... слесарь механического завода Т. Акуров, архитектор Л. Гришина и врач И. Колобаев» [В студии изобразительного искусства... 1953: 3]. Но подавляющее большинство сюжетов послевоенных печатных СМИ отражало практики участия граждан в художественной самодельности – драматических кружках, песенных и танцевальных коллективах [Краснофлотский танец «яблочко»... 1946: 2; Сделаем хоровой коллектив массовым 1954: 2; Это идет молодежь 1956: 4; Десять лет драмколлектива металлургов 1946: 2] (рис. 5)

Рис. 3. Передовой сталевар 22-й мартеновской печи Павел Иванович Федяев у себя на квартире вместе с семьей слушает радио. Фото Е. Карпова [Передовой сталевар... 1954: 2]

Рис. 4. На снимке: читальный зал. Здесь спокойно работают с книгой, газетой и журналом в часы досуга рабочие, инженерно-технические работники и служащие завода им. Кирова [Читальный зал 1954: 2]

Такие кружки были созданы при многих клубах, цехах предприятий. Так, например, издание «Тагильский рабочий» отмечало: «Работники клуба медиков проводят большую работу по развитию художественной самодеятельности. Здесь созданы кружки: драматический, балетный, вокально-хоровой» [Работники клуба медиков 1947: 2]. Участники творческих коллективов, как правило, исполняли народные песни и танцы, выступали в парках, клубах, участвовали в выборных кампаниях. На страницах заводской газеты «Магнитогорский металл» (1946) выступление творческого коллектива описано очень красочно: «Если молодые избиратели Октябрьской улицы Средне-Уральска веселым хороводом закружились после собрания, доклада, то так и знай – агитаторы первого мартевновского цеха прибыли сюда с аккордеоном. Если расцветают в улыбках лица старушек, а кое-где в такт “барыни” и пристукивает каблуком, вспоминая молодость, пожилая домохозяйка – значит заговорил, запел аккордеон в руках комсомольца Володи Пасшака» [Лейся, песня 1946: 2]. Проводились региональные и областные смотры художественной самодеятельности [На областном смотре ... 1953: 2].

Практика отдыха горожан в выходной день получила рассмотрение на страницах послевоенной прессы. В 1952 г. в одном из номеров журнала «Крокодил» была помещена подборка статей, объединенных темой: «Куда пойти в выходной?». На данный вопрос авторы отвечают следующим образом: «Поначалу этот вопрос может показаться несколько странным. Мало ли где можно провести выходной день! Тенистые парки, нарядные водные станции, благоустроенные пляжи, шумные стадионы, уютные клубы – всё к услугам отдыхающих» [Максимов, Краев, Попов 1952: 5].

Рис. 5. Выступление художественной самодеятельности на эстраде городского парка. Фото Н. Бурашникова [Это идет молодежь 1956: 4]

Обозначенные места определяли специфику «правильного» отдыха горожан – вне дома, в общественных местах, предназначенных для «культурного» отдыха.

В качестве еще одной группы сюжетов, визуализирующих практики досуговой деятельности граждан, можно отметить фотографии отдыха в санаториях и курортах. Практики санаторно-курортного отдыха популяризировались на страницах прессы. Как отмечала героиня рассказа Л. Ленча «Трудное положение», опубликованного в одном из номеров «Крокодила»: «Ведь у нас в Союзе

очень уж большие возможности в этом отношении. И туда можно поехать и сюда; здесь хорошо, а там ещё лучше. Буквально глаза разбегаются. ... В Сочи ... море, солнце. ... Вечером цикады и чебуреки. Просто сказка!» [Ленч 1951: 5]. В одном из номеров заводской газеты «Магнитогорский металл» (1946) была опубликована заметка «Дом отдыха в Березках», в которой подробно описаны практики отдыха трудящихся: «Отдыхающие играют в бильярд, подолгу засиживаются за шахматной доской, просматривают свежие номера “Огонька” и “Крокодила”. В погожие дни группами выходят в рощу или на гору: отсюда, как на ладони, видна вся Магнитка; воздух чист и прозрачен, и далеко-далеко на многие десятки километров раскинуты просторы вплоть до синеющих кряжей Уральских гор. Хорошо отдыхают рабочие комбината! ... Питание сытное, всегда вкусно и разнообразно приготовленное. Отдыхающие выписываются спустя две недели заметно окрепшие, прибавившие в весе» [Дом отдыха в Березках 1946: 2]. Заметки, посвященные отдыху горожан в санаториях, публиковались в газетах центрального, областного и регионального уровня [Отдыхающие на веранде... 1951: 1; Отдых в санатории 1953: 1]. Как правило, на фотографиях были изображены люди, прогуливающиеся в парках, читающие газеты, журналы, играющие в бильярд, шахматы и т.п. (рис. 6).

Отдых на даче всей семьей являлся темой заметок в журналах первой половины 1950-х гг. В частности, на страницах «Крокодила» публиковались зарисовки на данную тему [Горелов 1950: 10; В жаркий день на пляже 1952: 14]. В региональной прессе сюжеты аналогичной тематики фактически не получают рассмотрения.

Советская периодика второй пол. 1940-х – 1950-х годов отражает важную черту советского потребителя: в свободное время он – воплощение активности и творческого начала, конструирующий реальность, обустроивающий свой образ «нормальной жизни» из подручных, плохо подходящих для этого средств. Конструирует – и в перенос-

Рис. 6. Закончился ремонт первой очереди сочинского санатория ВЦПС «Красная Москва». Вступили в строй спальный корпус № 6, лечебный корпус. На днях сюда прибыли первые отдыхающие из Москвы и других городов. На снимке (слева направо): юрист А. Артамонова из Южно-Сахалинска, москвички-работницы К. Павлова и З. Филимонова в парке санатория. Фото А. Волкова [Отдых в санатории 1953: 1]

ном, и в буквальном смысле: роль потребителя здесь часто неотделима от роли «умельца», «домашнего мастера», «рукодельницы». Многие советские женщины выписывали тогда наиболее популярные журналы «Работница» или «Крестьянка», чтобы вырезать из них советы по домоводству и вязанию, рецепты, которые использовали сами и делились с подругами. Эти умения чрезвычайно востребованы во времена нарастающего дефицита и проблем с качеством товаров, которые нередко приходится перешивать, перестраивать, переоборудовать, приближая к воображаемому высокому образцу, и даже чинить сразу после покупки. Выходившие для детей и юношества издания «Юный техник», «Техника молодежи», «Пионер», «Юный натуралист» и др. содержали советы, чертежи, рисунки, с помощью которых можно было изготовить скворечники и синичники, кормушки и поилки, научиться шить куклам одежду, мастерить мягкие игрушки, вышивать, уметь поставить палатку в походе, быстро разжечь костер, приготовить на нем еду, ориентироваться по сторонам света и др. Соответствующие рубрики во взрослых периодических изданиях («сделай сам», «хозяйке на заметку», «полезные мелочи» «советы мастера», «маленькие хитрости» и т. п.) содержали иллюстрации и инструкции, пользовались популярностью у читателей, которые использовали обратную связь и делились неожиданными решениями и советами по улучшению своего бытового пространства. В данном контексте наибольшей популярностью пользовались журналы «За рулем», «Работница», «Крестьянка», «Наука и жизнь».

Еще одной составляющей досуговой деятельности советского человека являлись практики празднования. В советское время на смену религиозным приходят праздники политико-идеологического характера (Первое Мая, День Великой Октябрьской социалистической революции и др.), праздновались дни проведения выборов и т. п.

На страницах прессы получают рассмотрение и практики празднования Нового года. Неотъемлемыми его атрибутами являлись праздничный стол, шампанское, елка, Дед Мороз. В фотосюжетах новогодней тематики запечатлены люди, сидящие за столом, играющие на музыкальных инструментах (гармонь, аккордеон), поющие, танцующие [Новогоднее ... 1948: 9] (рис. 7).

Одним из ключевых торжественных событий послевоенных лет являлось празднование Дня Победы. Центральные и областные газеты второй половины 1940-х гг. освещали масштабные зрелищные мероприятия, сопровождающие этот праздник (парад, выступления спортивных и творческих коллективов и пр.). В параде участвовали пионеры, комсомольцы, спортивные общества и физкультурники, коллективы художественной

самодеятельности [Коган, Мастеренко 1947: 1; В столице нашей Родины 1946: 3]. На страницах центральных и областных газет первых послевоенных лет достаточно подробно освещались праздничные народные гулянья: «Все больше и больше народа на площади. Смех, песни [...] Несколько человек собрались в кружок. Развернул один гармонь, и грянула веселая плясовая» [Ликующий Новосибирск 1946: 3]; «Толпа подпевала хором, и песни перекачивались по площади из края в край» [Вся страна торжественно и радостно... 1946: 1]. В Свердловске опытный распорядитель народного гуляния призывал присутствующих: «Внимание! Говорит площадь 1905 года. Сегодня здесь строго воспрещается молчать, не смеяться, не петь, не шутить» [Советский народ празднует... 1946: 1]. Образ празднующего 9 мая населения, воссоздаваемый на страницах газет, отличался динамизмом. Население можно охарактеризовать как ликующую самоорганизующуюся толпу, искренне радующуюся празднику и эмоционально (со смехом и слезами на глазах) отмечающую День Победы (рис. 8).

В газетах конца 1940-х – первой половины 1950-х годов образ празднующего Победу населения приобретает более организованные, «культурные» черты: «В эти дни значительно увеличился приток посетителей в Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной

Рис. 7. Молодежь колхоза имени Ворошилова (Ухтомского района Московской области) на встрече Нового года [Новогоднее ... 1948: 9]

Рис. 8. Народное гулянье на площади 1905 года в Свердловске в День Победы. Фото М. Просвирина, И. Шубина [Советский народ празднует... 1946: 1]

войны» [Там, где был партизанский край 1951: 2]. «Многолюдно в эти дни в Центральном музее Советской Армии. Посетители с большим интересом знакомятся с экспонатами, повествующими о славных победах, одержанных советским народом» [В честь Дня Победы 1952: 2]. О народных торжествах достаточно коротко сообщается на страницах «Правды» лишь в юбилейном 1955 г.: «Большие праздничные гулянья были организованы в московских парках культуры – Центральном, Измайловском, Сокольническом и других» [Праздничная столица 1955: 1]. Со страниц областных газет 1949–1955 гг. исчезает развернутая информация о праздновании горожанами Дня Победы, сохраняются лишь заметки о проведенных лекциях, спортивных мероприятиях. В целом, динамику празднования Дня Победы, произошедшую в 1940–1950-е годы, можно определить так: от праздничной феерии, в которой активно участвовали все граждане (самодеятельность, песни, пляски), к культурному отдыху, предполагающему созерцание экспонатов и произведений о войне в качестве зрителя, проведению торжественных вечеров для приглашенных лиц.

Визуальное отражение «некультурного отдыха» в отечественных печатных СМИ

Советский социокультурный проект предусматривал создание «нового человека», с особым физическим обликом, интеллектуальным уровнем, культурными привычками. Этот новый человек должен был существовать в «культурном» пространстве, очищенном от «пережитков прошлого» и позволяющем формировать «правильные» привычки трудовых стратегий, досуга и потребления. Именно эти цели и преследовала советская партийно-государственная досуговая политика.

Недостатки в ее реализации, не позволяющие гражданам «культурно отдыхать», выносились на страницы советской прессы, являясь сюжетами заметок, статей, а также карикатурных сюжетов. Так, например, в фельетоне «Куда пойти в выходной» были отмечены недостатки мест культурного отдыха, зафиксированные в различных городах страны: в Новгороде Кремлевский парк превращен администрацией «в большую танцевальную площадку. Танцуют там не только в выходной, но и в остальные дни недели», стекла и мусор на пляже в Полтаве, отсутствие стадиона в Кироводске, нет ресторанов, закусочных и просто киосков с водой в Центральном парке культуры и отдыха в Вильнюсе [Максимов, Краев, Попов, Чернышев 1952: 5]. Описывающие данные проблемы текстовые сюжеты сопровождаются карикатурными зарисовками. В газете «Магнитогорский

металл» (1946) также была помещена сатирическая статья, касающаяся данной темы: «Выходной – так выходной! План мой будет вот какой: парикмахер, душевая, ателье последних мод, магазины, мастерская, а под вечер – культпоход. На трамвае до столовой, час спустя – на стадион, или в цирк с программой новой, дальше – ужинать и сон. План, не правда ли, неплох? А на деле вышло.... ох! Ох! Народу нынче в бане! Шум, как будто в барабане. Простоявши пять часов я распарен до усов. В грязный шапчик прячу вещи. Таз беру. Из таза – хлещет. В час по ложке каплет кран, а из тазика – фонтан. Где быть должен кипяток – ледяной бежит поток. Под ногами слизь и слякоть. Что тут: мыться или макать? Кранов ввинчено штук семь, три не действуют совсем, два плюют на три версты; к остальным стоят хвосты... Бриться тоже, брат, не сахар; правда, вежлив парикмахер, но салфетка на щеке, как портянка в башмаке. ... Горе – поезд без езды, горе – баня без воды, косошвей, давторг, трамвай – хоть на крышу полезай – это все в быту занозы. Надо б крепче тех прижать, кто людей и их запросы не умеет уважать» [Экскурсия Крокодила 1946: 2].

Проблемам отпускного отдыха посвящены многочисленные сюжеты «Крокодила» [Костюков 1951: 5; Рыклин 1950: 13]. В фельетонах, рассказах и карикатурах, помещенных на страницах данного сатирического журнала, отражены проблемы, с которыми сталкиваются курортники: переполненность санаториев, пляжей, экскурсионных автобусов, недостатки сервиса при обслуживании отдыхающих и т. п. [Мираж в жаркий день 1950: 13; Ни сна, ни отдыха... 1950: 15; Дыховичный, Слободской 1950: 4; Летняя крокодильская смесь 1952: 13.] (рис. 9).

Визуализация маргинальных форм досуга советских граждан, как правило, получает рассмотрение в форме карикатурных сюжетов. На страницах «Крокодила», в газетах различного уровня, в сатирическом киножурнале «Фитиль» отражались пороки советского социума, список которых являлся фактически неизменным в рамках исследуемого периода: бюрократизм, «очковтирательство»,

Рис. 9. «В нашем доме отдыха так тесно, что здесь я просто отдыхаю». Рис. И. Семенова [Летняя крокодильская смесь 1952: 13.]

халатность, некомпетентность и пр. В ряду маргинализируемых досуговых практик фигурировали: пьянство, азартные игры, праздность, хулиганство и т. п. Данные девиантные проявления, объясняемые досоветскими пережитками, сложностями восстановительного периода, отсутствием воспитания и пр., были чаще представлены анонимными сюжетами, указывающими на порок, но не дискредитирующими конкретных граждан (тем более занимающих руководящие должности).

В качестве девиации определялось пьянство. На страницах «Крокодила» публиковались карикатуры и фельетоны на тему употребления алкоголя на молодежных вечеринках, на танцах и пр. [Костюков 1952: 5]. Характерно, что в публикациях по данной теме ответственность за излишние алкогольные возлияния возлагалась не на самих употребляющих, а на руководителей клубов и парков, которые не смогли организовать досуг молодежи.

Встречаются в сюжетах «Крокодила» карикатуры, посвященные теме употребления алкоголя руководителями, работниками предприятий и пр. Важно отметить, что данная девиация стигматизировалась не сама по себе, как практика употребления алкоголя, а при наличии ее тяжелых последствий – сбой в работе организации, попадания руководителя в вытрезвитель, хулиганства и пр. На основе анализа публикаций «Крокодила» можно заключить, что отношение к употреблению алкоголя было скорее нейтральным, нежели негативным. Алкоголь сопровождал праздничные застолья, и его употребление в нерабочее время в умеренных количествах считалось нормализованной практикой. Так, например, в фельетоне М. Вольпина «Пух и прах», опубликованном в одном из номеров «Крокодила» (1946), так описывается новогоднее застолье: «А на столе – в бутылках вина, в графинах водки всех сортов, и возле каждого графина икра стендалевских цветов. ... И тосты, тосты!.. Всё чин-чином» [Вольпин 1946: 4]. Описание граждан, перебравших на празднике с алкоголем, вызывает скорее улыбку, нежели отвращение и неприязнь: «Уже один малолитражный, неспиртоёмкий человек, имея вид неавантажный, внезапно встал “и в путь потек”, пускай зигзагом, а не прямо, но, направленье отыскав, он всё же движется упрямо туда... вперёд... в зеркальный шкаф. Но, не пройдя и полдороги, он рухнул: перед ним возник двуногий и четвероногий его раздвоенный двойник. И спать на кожаной кушетке уводят пьяного к соседке...» [Вольпин 1946: 4].

В массовом дискурсе 1950–1960-х годов борьба за вкус советской молодежи вылилась в кампанию против представителей неомолодежной культуры – стилига... Определяемые стилигами группы горожан объединяли потребительские и культурные практики, воспроизводящие (по их

мнению) «западный» образ жизни: своеобразный жаргон, модель поведения, одежда (пестрые яркие наряды, ботинки на толстой каучуковой подошве и пр.) [Ципурский 2013: 57]. Л. Кассиль в 1958 г. писал: «Чем, например, смешны наши пресловутые “стиляги” и так называемые “фифы”? Беда ведь не в том, что они изо всех сил тщатся следовать за последними капризами заграничной моды ... Дело не в длине пиджака, чрезмерной узости брючек или юбок или, наоборот, в необозримой широте клешей! Бог с ними... Дело не в фасонах. Но беда в том, что эдакий хлыщ или подобная модница старается выглядеть иностранцами на нашей улице. Они и особую манеру речи себе присваивают с каким-то импортным шиком, который переняли с экрана, где шла заграничная, не дублированная на русский язык кинокартина. И походку-то они себе вырабатывают какую-то разухабисто-расслабленную: дескать, обошли они чуть ли не весь мир на своих рубчатых подошвах, все на свете видели, все им наскучило, вот и притомились...» [Кассиль 1958: 25–26].

В качестве девиации на страницах «Крокодила» презентовался досуг стилига: карикатурные фигуры ярко и аляповато одетых людей с гиперболизированными деталями нарядов – огромными яркими галстуками и пиджаками, прическами кок, туфлями на «манной каше» и т. п. [Маленькие басенки 1956: 14]. В качестве примера маргинального досуга можно привести описание практик времяпрепровождения стилига из стихотворения Э. Короткого «Монтигомо лакированный коготь», опубликованного в одном из номеров «Крокодила»: «Он блещет оранжевым лаком ногтей, он пьет не без блеска в кок-холле коктейль. ... Охотничья страсть в нем, как прежде, сильна: охотник до всяких новинок, по рыночным джунглям скитается он – он ходит с охотой из комиссионного магазина на рынок! Он тратит в неделю четырнадцать дней, чтоб выследить шляпу других помодней. Он ходит во все магазины искать попестрей мокасины. ... Двенадцать последних новинок-острот, двенадцать последних пластинок-фокстрот. Прошла диких криков пора, ты! Он рта не откроет теперь своего: зачем утруждаться, когда за него поют и острят аппараты? ... Корректно, как требует времени дух, он пляшет с полуночи ровно до двух, он пляшет вокруг радиолы» [Короткий 1946: 4].

Образ жизни стилига являлся объектом критики из-за их нежелания учиться, развиваться. «Боря всесторонне завивался, но односторонне развивался» [Дыховичный, Слободской 1950: 12], «Стиляга ... детально изучил все фоксы, танго, румбы, линды, но Мичурина путает с Менделеевым и астрономию с гастрономией» [Беляев 1949: 10], «Как шнурочек, тонок ус, нету ярче шляпы... В третий раз бросает вуз иждивенец папы» [Тимофеев 1953: 5]. Презентуемая в прессе девиантность досуга стилига

определялась не только их ночными танцами в пестрой одежде и бесцельными прогулками «по бульвару», но и невосприимчивостью к нормализованным, «культурным» формам досуга – чтению, посещению музеев, театров: «В самом модном пиджаке, с видом безразличным, франт с колечком на руке ходит “львом столичным”... На причёску посмотри: он завит игриво, только пусто там, внутри, под волнистой гривой... Был он Гришей, но сейчас носит имя Гарри – каждый день в обычный час Гарри на бульваре. Вон, собой любясь, встал, на девиц глаза. Книг давно он не читал, не бывал в музеях. Вот на выставку собак он пойдёт, пожалуй: все увидят, как-никак, галстук небывалый! Он всегда блеснуть не прочь пошлым анекдотом. Протанцует хоть всю ночь – мастер по фокстротам» (рис. 10).

Наиболее аномальные формы препровождения досуга были связаны с западным «капиталистическим образом жизни». На страницах «Крокодила» публиковались текстовые и визуальные сюжеты из газеты «Нью-Йорк пост», повествующие о развлечениях американцев, описание которых должно было вызывать отвращение у советских граждан: «Две солидного вида матроны, заплатив изрядную сумму денег, занимаются битьём столовой посуды. Наибольшее удовлетворение доставляет им уничтожение дорогих фарфоровых тарелок, черепки которых идут на сувениры. Иной раз группа подобных разрушительниц, у которых руки чешутся что-либо бить или ломать, разыгрывают звание чемпиона в этом диком виде “спорта” ... Особа, залепившая своему партнёру кремовым тортом в лицо, давится от охватившего её восторга» [Американцы развлекаются 1949: 14].

В другом сюжете описана практика поедания макарон на скорость без помощи рук, зафиксированная в ресторанах США (текст сопровождают фотоиллюстрации американок с перепачканными лицами) [Королева макарон 1949: 2].

Рис. 10. [Тимофеев 1953: 5].

Заключение

Освещение темы досуга в прессе являлось вторичным по отношению к трудовой тематике. В визуальных сюжетах газет и журналов второй пол. 1940-х – 1950-х гг., посвященных тематике досуга горожан, можно отметить общие тематические тенденции – приоритет от-

давался практикам культурного отдыха в парках, домах культуры, на концертах, курортах, туристических походах, популяризировались занятия в творческих кружках, чтение и пр. Важной особенностью проведения досуга являлся коллективизм. Можно отметить количественное возрастание визуальных сюжетов, посвящённых досуговым практикам горожан, по мере удаления в прошлое событий военных лет. На материалах прессы второй половины 1940-х – 1950-х гг. была выявлена тенденция празднования Дня Победы, которую можно обозначить как движение от спонтанности к ритуалу: от праздничной феерии, в которой активно участвовали все граждане (самодеятельность, песни, пляски), – к культурному отдыху, предполагающему созерцание экспонатов и произведений о войне в качестве зрителя, проведению торжественных вечеров для приглашенных лиц, возложению венков к памятникам павшим.

Визуальная презентация проблематики досуга горожан уступала по своей востребованности теме труда, что было обусловлено приоритетным стимулированием труда граждан. Аналогично презентации трудовой тематики на страницы газет и журналов выносились преимущественно практики «правильного» досуга – чтение, посещение клубов, парков, домов отдыха. Девиации не визуализировались. Было принято, чтобы люди свое свободное время посвящали культурному общению, умственному и физическому развитию, общественной деятельности, художественному творчеству. Не случайно в праздничные и выходные дни на стадионах и площадях, в парках и других общественных местах проводились массовые гуляния и зрелищные представления. Организовывались коллективные прогулки на речном транспорте, экскурсии в музеи, походы на природу. Предприятия и организации предоставляли трудящимся возможность отдыхать на курортах и в санаториях Кавказа, Крыма, Рижского взморья, Закарпатья. Передовикам производства профсоюзы обеспечивали бесплатные, а остальным льготные путевки на эти курорты. Организовывался летний отдых для школьников в пионерских лагерях, для молодежи и остальной части населения – на туристических базах.

Важно отметить, что визуальные образы, создаваемые на страницах периодических изданий во второй половине 1940-х – 1950-е годы, в значительной мере отражали реально существующие объекты (стадионы, библиотеки, парки культуры и отдыха и т.п.), бытовавшие практики проведения свободного времени. При этом реальная жизнь людей отличалась от картины, создаваемой на страницах периодических изданий, как в части содержания досуга, так и предлагаемых «культурных» форм его реализации, наличия же значительных категорий граждан, предпочитающих «некультурный отдых». Вместе с тем, доверие к печатному слову

и транслируемым со страниц прессы нормативным образам оставалось достаточно высоким на протяжении рассматриваемого нами периода советской истории, не в последнюю очередь потому, что предлагаемые в журналах и газетах сюжеты не только базировались на реальных ситуациях из жизни, с которыми были знакомы многие читатели этих изданий, но и создавали представления о перспективности достигательных моделей поведения в сфере трудовой деятельности и реализации свободного времени.

Список литературы

- Американцы развлекаются // Крокодил. 1949. № 3. С. 14.
- Ахиезер А. С. Формирование частной и общественной жизни в России в XX веке в свете глобальных сдвигов в культуре // Демографическая модернизация частной жизни и идентичность в России : научная конференция. М., 2002. С. 47–51.
- Балакин В. С., Ралкова О. В. Свободное время населения Урала в 1955–1965 гг. : новые источники и подходы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269). С. 40–44.
- Беляев Д. Стиляга // Крокодил. 1949. № 7. С. 10.
- Богданов С. В., Орлов В. Н. Из истории борьбы правоохранительных органов СССР со спекуляцией в первые послевоенные годы // Современное право. 2010. № 1. С. 148–151.
- Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М. : Новое литературное обозрение. 2002. 310 с.
- Брусиловская Л. Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели» (метаморфозы стиля) // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 163–174.
- В жаркий день на пляже / рис. И. Семенова // Крокодил. 1952. № 22. С. 14.
- В красном уголке общежития... // Магнитогорский металл. 1946. 7 мая.
- В общежитии часы досуга. За рукоделием / фото М. Михайловой // Магнитогорский металл. 1946. 19 сент.
- В одной из комнат молодежного общежития / фото М. Просвирнина // Под знаменем Ленина. 1951. 13 февраля.
- В столице нашей Родины // Советская Сибирь. 1946. 11 мая.
- В студии изобразительного искусства... / фото Н. Киреева // Труд. 1953. 1 янв.
- В честь Дня Победы // Правда. 1952. 9 мая.
- В чугунно-литейном цехе... // Магнитогорский металл. 1946. 17 августа.
- Волков В. Концепция культурности, 1935–1938 гг. : советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 194–213.
- Вольгин М. «Пух и прах» / ил. В. Горяева // Крокодил. 1946. № 1. С. 4.
- Вся страна торжественно и радостно праздновала первую годовщину нашей великой победы // Правда. 1946. 10 мая.
- Герасимова Е. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). С. 70–77.

- Герасимова Е. Ю.* Советская коммунальная квартира // Социологический журнал. 1998. №1/2. С. 224–244.
- Гириц К.* Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004. 557 с.
- Горелов И.* Беглецы // Крокодил. 1950. № 28. С. 10.
- Город Кировск ... // Смена. 1955. № 5.
- Грушин Б. А.* Четыре жизни России. Эпоха Хрущева. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 619 с.
- Гурова О. Ю.* Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 117–131.
- Гурова О. Ю.* Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 288 с.
- Десять лет драмколлектива металлургов // Магнитогорский металл. 1946. 2 марта.
- Дом отдыха в Березках // Магнитогорский металл. 1946. 10 октября.
- Дыховичный В., Слободской М.* Боря Н. // Крокодил. 1950. № 35. С. 12.
- Дыховичный В., Слободской М.* Страдания Петухова // Крокодил. 1950. № 33. С. 4.
- Заботиться об общежитиях не на словах, а на деле // Магнитогорский металл. 1946. 23 ноября.
- Занятие кружка изобразительного искусства... / фото В. Янковского // Магнитогорский металл. 1946. 11 апреля.
- Зубкова Е. Ю.* «Бедные» и «чужие»: нормы и практики борьбы с нищенством в Советском Союзе. 1940–1960-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 11 / Российская академия наук, Институт российской истории ; отв. ред. Ю. А. Петров, ред.-коорд. Е. Н. Рудая. М., 2013. С. 285–310.
- Иванова А.* Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 304 с.
- Кассиль Л.* Девушка со вкусом // Работница. № 3. 1958. С. 25–26.
- Клинова М. А.* Концепция «культурности» в социальной политике второй половины 1930-х годов // Человек. 2017. № 4. С. 94–105.
- Коган Е., Мастеренко В.* Празднование Дня Победы в Новосибирске // Советская Сибирь. 1947. 11 мая. С. 1.
- Коенкер Д.* СПАСИБО партии : отдых, путешествия и советская мечта / пер. С англ. В. А. Петрова. СПб. : Библиороссика ; Бостон : Academic Studies Press, 2022. 455 с. (Современная западная русистика = Contemporary Western Rusistika)
- Козырьков В. П.* Образы повседневности и проблема их целостности // Наука и повседневность: основания науки в цифровом обществе. Н. Новгород, 2002. Вып. 4. С. 5–30.
- Королева макарон // Крокодил. 1949. № 26. С. 2
- Короткий Э.* Монтигомо лакированный коготь // Крокодил. 1946. № 7. С. 4.
- Косенкова Ю. Л.* Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. М. : Либроком, 2009. 422 с.
- Костюков И.* Беспокойные кадры // Крокодил. 1951. № 14. С. 5.
- Костюков И.* Соловей в опале // Крокодил. 1952. № 17. С. 5
- Кочухова Е. С., Рабинович Е. И.* «Культурно-политический комбинат» под открытым небом: центральный парк 1930-х vs клубные сады 1920-х. Случай Свердловска // Лабиринт. 2015. № 2. С. 6–18.
- Краснофлотский танец «яблочко»... / фото М. Михайлово // Магнитогорский металл. 1946. 15 июня.

Кринко, Е. Ф., Тажидинова, И. Г., Хлынина, Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.

Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования // Источник. Историк. История. История повседневности. Вып. 3. СПб., 2003. С. 7–14.

Куда пойти в выходной / Максимов И., Краев М., Попов А., Чернышев Н. // Крокодил. 1952. № 18. С. 5.

Кудрина Т. А. Досуг, культура, клуб // Клуб и художественная самодеятельность. 1976. (Январь). № 1. С. 8–9.

Кузнецова Л. Администрирование на местах в 1930–1950-х гг.: инициатива или самоуправство? (на примере курортного строительства) // Вестник Пермского университета. История. 2010. № 2 (14). С. 57–67.

Кузнецова Л. Дискуссии о форме и содержании советского курортного отдыха (1920-е – 1930-е гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып. 4 (43). С. 98–106.

Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии: 1920–1930 годы. СПб. : Журн. «Нева» : ИТД «Летний сад», 1999. 316 с.

Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля, Ленинград 1950–1960-е годы. СПб : Книга : Победа, 2015. 481 с.

Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 483 с.

Лейся, песня // Магнитогорский металл. 1946. 26 марта.

Лелеко В. Д. Повседневность в исторических исследованиях // Историзм в культуре. СПб., 1998. С. 160–168.

Лени. Л. Трудное положение // Крокодил. 1951. № 17. С. 5.

Летняя крокодильская смесь / рис. И. Семенова // Крокодил. 1952. № 20. С. 13.

Ликующий Новосибирск // Советская Сибирь. 1946. 11 мая.

Маленькие басенки // Крокодил. 1956. № 29. С. 14.

Мираж в жаркий день / рис. Ю. Узбякова // Крокодил. 1950. № 14. С. 13.

Молодые вальцовщики // Магнитогорский металл. 1956. 25 декабря.

На областном смотре художественной самодеятельности // Уральский рабочий. 1953. 1 января.

На одном избирательном участке / фото Н. Шубина // Уральский рабочий. 1951. 1 февраля.

Нашивайко И. М. Повседневность и проблема культурной самоидентификации (границы культуры и культура границ) // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество М., 2005. С. 224–234.

Народное хозяйство СССР в 1956 г. М. : Госстатиздат, 1957. 263 с

Народное хозяйство СССР в 1970 г. М. : Статистика, 1971. 822 с.

Наступил Первомай... / фото П. Маньча // Труд. 1953. 1 мая.

Ни сна, ни отдыха... / рис. Г. Валька // Крокодил. 1950. № 14. С. 13.

Новогоднее ... // Огонек. 1948. № 2.

Орлова Г. Апология странной вещи: «маленькие хитрости» советского человека // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/orl10.html>. (дата обращения: 06.07.2023).

Отдых в санатории // Тагильский рабочий. 1953. 30 мая.

Отдыхающие на веранде... // Под знаменем Ленина. 1951. 29 мая.

Передовой сталевар ... / фото Е. Карпова // Магнитогорский металл. 1954. 14 ноября.

Петров М. С. Эволюция образа работающей женщины в отечественной журналистике (по материалам журнала «Крестьянка») // Труд и социальные отношения. 2010. № 5. С. 135–139.

Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Нева, 2000. 414 с.

По нашему городу // Под знаменем Ленина. 1950. 17 сентября.

По нашему городу // Тагильский рабочий. 1950. 19 апреля.

Поляков Ю. А., Жиромская В. Б. Человек в повседневности: прошлое и настоящее // Вестник РУДН. Сер. История России. 2003. № 2. С. 7–10.

После трудового дня // Под знаменем Ленина. 1955. 15 мая.

Праздничная столица // Правда. 1955. 10 мая.

Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник 2004. М., 2005. С. 93–112.

Рабинович Е. И. «Гражданская война» между культурой и природой: Л. Д. Троцкий как культуролог // Современная культурология: проблемы, подходы, перспективы. Екатеринбург, 2013. С. 70–75.

Работники клуба медиков // Тагильский рабочий. 1947. 15 января.

Ретина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история // Социальная история. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 11–52.

РСФСР за 40 лет. М.: Советская Россия, 1957. 223 с.

Рыжлин Г. Храм воздуха // Крокодил. 1950. № 1. С. 13.

Сделаем хоровой коллектив массовым // Кировец. 1954. 3 июня.

Сидоров М. В обеденный перерыв // Тагильский рабочий. 1950. 26 марта.

Советская жизнь. 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2003. 719 с.

Советские художественные фильмы: аннотированный каталог: [в 3 т.] / Всесоюз. гос. фонд кинофильмов. М.: Искусство, 1961. Ч. 2. Звуковые фильмы (1930–1957 гг.). 767 с.

Советский народ празднует День Победы // Уральский рабочий. 1946. 11 мая.

Соколов А. К. Социальная история России новейшего времени. Проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник 1998/1999. М., 1999. С. 39–76.

Там, где был партизанский край // Правда. 1951. 10 мая.

Тимофеев Б. Гарри // Крокодил. 1953. № 35. С. 5.

Трофимов А. В. Хрущевские реформы и качество жизни уральского населения // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 367–375.

Урал в панораме XX века. Екатеринбург: СВ-96, 2000. 495 с.

Утехин И. В. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2001. 214 с.

Уютно в читальном зале клуба им. Ленина в Первоуральске / фото Я. Кунина // Уральский рабочий. 1953. 15 января.

Цитурский Г. «Комсомолю приходится объявить беспощадную и решительную войну против всех типов стиляж». Политика в отношении вестернизированной молодежи в Советском Союзе при Н. С. Хрущеве // Новейшая история России. 2013. № 3 (8). С. 55–83.

Читальный зал // Кировец. 1954. 1 мая.

Экскурсия Крокодила // Магнитогорский металл. 1946. 21 февраля.

Это идет молодежь // Тагильский рабочий. 1956. 14 июня.

Baranowski S. Strength through Joy: Consumerism and Mass Tourism in the Third Reich. Cambridge University Press, 2004. 274 p.

Dunham V. In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction, Cambridge University Press, Cambridge, London, New York and Melbourne, UK – USA – Australia, 1976. 320 p.

Grazia V. de. The Culture of Consent. Mass organization of leisure in fascist Italy. Cambridge University Press, 1981. 320 p.

Koenker D. Club Red: Vacation Travel and the Soviet Dream. Cornell University Press, 2013. 328 p.

Meyer S., III. The Five Dollar Day: Labor Menegment and Social Control in the Ford Motor Company, 1908 – 1921. Albany: State University of New York Press, 1988. 260 p.

Turizm: The Russian and East European Tourism under Capitalism and Socialism / Ed. by A. Gorsuch, D. Koenker. Cornell University Press, 2006. 328 p.